

Цзян Ни, которой дома было нечем заняться, проснулась рано и заметила в кухне слабый теплый свет.

Она похлопала Цзян Чу по плечу.

Та как раз месила тесто, от неожиданности вздрогнула и обернулась.

На её белом, мягком лице остались следы муки. Широко распахнув глаза, она удивленно спросила:

— Почему ты проснулась? Я тебя разбудила?

— Сегодня я пойду продавать паровые булочки вместе с тобой, — слегка улыбнулась Цзян Ни.

— Вот как? Тогда хорошо, пойдем вместе.

— Дома слишком душно, нужно немного развеяться.

Она еще никогда не выходила за пределы этой деревни и не знала, как выглядят города. Выросшая в суете мегаполиса, ко всему новому она относилась равнодушно.

Цзян Ни стала повторять движения Цзян Чу: месила тесто, разводила муку. В какой-то момент они подняли головы, встретились взглядами и улыбнулись друг другу.

Цзян Чу ехала на трехколесном велосипеде, на котором были закреплены пароварки, а Цзян Ни сидела сбоку, и ветер растрепал её волосы.

Тележка так сильно тряслась, что её того и гляди могло выбросить на дорогу. Она крепко вцепилась в край борта, а от постоянного ветра в голове стоял гул.

Это был её первый выезд, и она чувствовала себя так, будто действительно попала в город.

Когда они добрались до места, оказалось, что город совсем небольшой, скорее похожий на захолустный уездный центр. Повсюду толпились люди, на улицах сигналили машины, а вдоль обочин тянулись торговые ряды — здесь было куда шумнее, чем на ночном рынке.

Крики торговцев, зазывающих покупателей, заставили её голову пойти кругом.

Цзян Ни стояла в стороне, помогая Цзян Чу снимать корзины, и только собиралась повесить вывеску, как вдруг появилась группа грубых мужчин. Они вертели в руках дубинки и выглядели крайне недружелюбно.

Окружив прилавок Цзян Чу, они бросили на неё свирепые взгляды:

— Цзян Чу, твоя очередь. Плати за защиту, давай, выкладывай деньги!

Цзян Ни нахмурилась.

Что за негодяи? Средь бела дня грабежом занимаются.

Цзян Чу от испуга застыла, но тут же поспешила заслонить собой Цзян Ни и осторожно спросила:

— Уважаемые, сколько... сколько нужно заплатить? Я... я отдам.

Она боялась, что эти люди навредят Цзян Ни, поэтому всё время старалась прикрыть её собой.

Главарь банды поднял один палец.

Цзян Чу уточнила:

— Сто?

— Десять тысяч!

— Это... разве не слишком много? У меня нет таких денег.

— Нет денег — отрубим тебе пальцы.

Цзян Чу вытаращила глаза, от ужаса она не могла пошевелиться. Прикусив губу, она возразила:

— Это же самый настоящий грабеж! Мы за целый месяц столько не зарабатываем.

— Все остальные платят, а ты нет?

— У меня нет денег. Даже если бы были, я бы вам не отдала, вы, разбойники!

Раздался грохот.

Мужчина размахнулся дубинкой и со всей силы ударил по тележке. Пароварки разлетелись в

щепки, паровые булочки и хворост покатались по земле.

У Цзян Чу на глазах выступили слезы. Она стояла как вкопанная, мелко дрожа — она до смерти боялась этих подонков.

Она сталкивалась с ними каждый год, и с каждым разом плата за защиту становилась всё выше. Трижды эти люди грабили её, а она даже не смела идти и требовать деньги обратно. Говорили, что один человек как-то попытался вернуть свое, так ему сломали ногу, и он еще потратился на лечение, в итоге оставшись ни с чем.

Все лишь молча глотали обиду, встретившись с этой бандой.

— Платишь или нет? А? Не строй из себя невесту что! Говорю прямо: не заплатишь — останешься без руки.

Цзян Чу дрожащим голосом проговорила:

— У меня правда нет таких денег.

Цзян Ни вышла из-за её спины. Её взгляд был острым, словно лед. В тот момент, когда она появилась, глаза бандитов впились в неё.

Холодным голосом она спросила:

— С какой стати мы должны вам платить?

— Красавица, это правила нашего городка Байхуа, поняла? — главарь, говоря это, оглядывал её с ног до головы и, словно от нетерпения, потянулся рукой к её лицу.

Цзян Ни отбила его руку и холодно усмехнулась:

— Давно вы здесь собираете дань?

— Три года. И за эти три года ни разу не было случая, чтобы кто-то не заплатил. Знаешь что? Не плати, мне не жалко. Будешь моей — не то что плату за защиту не возьму, я буду оберегать тебя всю жизнь.

Услышав это, Цзян Чу была готова закидать этого подонка булочками. Посмел приставать к её жене! Она, как курица, защищающая цыпленка, вскочила вперед и загородила собой Цзян Ни:

— Она моя! Не смей даже смотреть в её сторону, забудь об этом!

Мужчина аж позеленел от злости:

— Тогда выкладывай деньги! Ты что, оглохла, мать твою?!

Цзян Чу пролепетала:

— Дайте мне срок, я соберу нужную сумму.

— Не дам! Ха-ха, я и не собираюсь давать!

Сейчас она была защитницей Цзян Ни и, что бы ни случилось, должна была обеспечить её безопасность.

Она подтолкнула Цзян Ни:

— Уходи отсюда, твое лицо слишком привлекает внимание. Здесь я справлюсь, не волнуйся.

— Они не оставят тебя в покое.

— Я знаю. Поэтому ты здесь только мешаешь мне думать. Уходи скорее, я переживаю за тебя, отвлекаюсь.

Цзян Ни погладила её по голове, её взгляд смягчился, и она тихо сказала:

— Я не уйду.

Цзян Чу подняла голову.

Цзян Ни улыбнулась:

— Если я уйду, ситуация станет только хуже, поэтому я останусь. Не беспокойся, пока я здесь, они не причинят тебе вреда.

— Но... — как она могла не беспокоиться? В драке Цзян Чу была мягкой, как вата, и любой мог с ней сделать что угодно.